

DCFR: LOST IN TRANSLATION, **ИЛИ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА**

Е. КИВЕЦ

доктор юридических наук, доцент,
заведующая отделом европейского права
и международной интеграции
(Институт законодательства
Верховной Рады Украины)

И. ВОРОШИЛОВА

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
заведующая сектором переводов актов
европейского права
(Институт законодательства
Верховной Рады Украины)

Ю. МОВЧАН

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник,
заведующая сектором адаптации
национального законодательства
к законодательству ЕС
(Институт законодательства
Верховной Рады Украины)

Идеи сближения правовых систем государств Европы в сфере частного права берут свое начало с 80-х годов 20 в. Так, в 1982 г. была создана Комиссия по вопросам европейского договорного права (*Commission on European Contract Law*), которую возглавил известный профессор О. Ландо. Основной ее задачей была разработка «Принципов европейского договорного права», которые бы включали общие для различных правовых систем госу-

© Е. Киевец, И. Ворошилова, Ю. Мовчан, 2013

дарств Европейского Союза (далее — ЕС) нормы и принципы, опосредующие договорные отношения [3].

Параллельно с этим ЕС пытался упорядочить деятельность по унификации частного права. В частности, 26 мая 1989 г. Европейским парламентом была принята Резолюция «О деятельности по унификации частного права государств-членов» [6], в которой он призвал юридическое академическое сообщество к разработке Европейского кодекса частного права [3] (Европейского гражданского кодекса), о чем повторно было отмечено в Резолюции от 6 мая 1994 г. «Относительно кодификации частного права и Комиссии по вопросам европейского договорного права» [7, 518].

В результате кропотливой работы Комиссии по вопросам европейского договорного права в 1995 г. увидела свет первая часть «Принципов европейского договорного права» [3]. Буквально через два года в 1997 г. в Гааге была созвана конференция под лозунгом «К Гражданскому кодексу», в ходе которой выяснилось, что подавляющее большинство европейских юристов высказалось за идею панъевропейской кодификации частного права [3, 27–29]. Это стало толчком к дальнейшим исследованиям в этой сфере, по результатам которых в 1999 и 2003 годах вышли вторая и третья части «Принципов европейского договорного права», а затем была создана экспертная Группа по изучению европейского гражданского кодекса (*The Study Group on a European Civil Code*) [8], которую возглавил немецкий ученый К. фон Бар. В эту Группу вошли представители научных кругов государств ЕС, а основной ее целью стала кодификация принципов европейского права в сфере обязательственного права и ключевых аспектов права собственности. Впоследствии эта работа была оформлена в один из самых амбициозных проектов ЕС — Проект общей системы подходов (*Draft Common Frame of Reference (далее — DCFR)*) [5], который можно считать воплощением результатов многолетних исследований по возможности унификации частного права.

В 2009 г. был представлен первый промежуточный проект *DCFR*, не содержащий норм, касающихся займа, договора дарения, регулирования обеспечительных прав и т. п. Характерно, что авторы не ставили своей целью создать «идеальный» вариант, они лишь намеревались вынести на обсуждение саму идею такого проекта. Общественное обсуждение позволило выявить основные проблемы этого документа. Следует отдать должное юридической общественности Европы, поскольку дискуссия получила значительную огласку, хотя длилась она в различных форматах — от конференций до индивидуального обмена мнениями, что позволило авторам находить консенсусную формулу построения нормы.

Стоит отметить, что *DCFR* имеет не только правовую составляющую (как это подчеркивают сами авторы проекта во введении к последнему изданию 2010 г.), но и существенную политическую. В случае принятия этого документа уже ни у кого не возникнет никаких сомнений в том, что ЕС является не только стабильным объединением государств, которые пытаются решить не столько свои экономические проблемы для достижения благосостояния, но и объединением, имеющим общую правовую идеологию, т. е. будущее. Однако классического политического благословения проект не получил, ведь ни один орган — ни на уровне ЕС, ни на национальном уровне — не предоставил документу официального статуса (по примеру Белой или Зеленой книги).

То, что мы сегодня называем *DCFR*, берет свое начало от инициативы европейских ученых-юристов, которая постепенно переросла в годы исследований и обмена мнениями между экспертами в сфере частного права и права ЕС. Такая активная позиция европейских академических кругов вызывает только зависть, ведь довольно часто важные проекты общегосударственного значения остаются без внимания отечественных юристов как раз скорее по субъективным, чем по объективным причинам — у многих просто нет на это времени.

И все же в нашем государстве остаются неравнодушные ученые и заинтересованные учреждения, считающие своим долгом распространение таких документов в юридическом сообществе для дальнейшего развития отечественной юридической науки. Одним из таких учреждений является Институт законодательства Верховной Рады Украины (далее — Институт законодательства), осуществляющий оперативный мониторинг новелл права ЕС и перевод актов международного и европейского права. В 2012 г. под общим руководством директора Института законодательства, члена-корреспондента НАН Украины, доктора юридических наук, профессора А. Копыленко была начата реализация амбициозного проекта по переводу *DCFR*, документа, который призван стать в будущем Европейским гражданским кодексом. Перевод осуществляется группой специалистов Института законодательства, имеющих значительный опыт работы по переводу правовых документов: кандидатом юридических наук И. Ворошиловой, доктором юридических наук Е. Киевец и кандидатом юридических наук Ю. Мовчан. Научная координация проекта возложена на специалиста в сфере гражданского права — доктора юридических наук, профессора Р. Стефанчука.

Амбициозность проекта обусловила особенности его реализации, имеющие несколько измерений: юридический, переводческий, научно-редакционный и, собственно, презентационный. Относительно первого стоит отметить, что Институт законодательства получил официальное разрешение от авторов *DCFR* на его перевод на украинский язык и дальнейшую публикацию. После этого и была начата активная переводческая работа, что и побудило нас к написанию этой статьи, поскольку именно переводческая работа является краеугольным камнем на пути к успешной реализации всего проекта, что позволит внести «добавленную стоимость» как в язык, так и в общественные отношения.

При этом оригинал переводимого текста — будь-то проза или правовой акт, — должен сам по себе быть стоящим, что является залогом успеха любого переводческого проекта. Поэтому коротко остановимся на характеристике документа. Такой несколько «школьный подход» в данном случае оправдан, поскольку позволит прояснить специфику и трудности перевода отдельных блоков документа, что, в свою очередь, обусловлено наличием двух больших подгрупп специалистов — по частному праву и праву ЕС, которые работали над разработкой положений документа. Это не могло не сказаться на особенностях изложения самого нормативного материала.

Последнее издание *DCFR* состоит из введения, общего обзора руководящих принципов, лежащих в основе модельных норм, блока дефиниций и модельных норм. Во введении изложены цель и задачи, которые преследовали разработчики документа, обозначены его содержательное наполнение, сфера действия и структура.

DCFR представляет собой возможную модель общей системы подходов, которая объединена в целостный текст и основывается на трех китах — определение, принципы и типовые нормы. Если категория «определение» более-менее понятна, то «принципы» и «типовые нормы» требуют дополнительного пояснения. Принципы разработчики рассматривают как фундаментальные основополагающие, абстрактные идеи. Причем в издании, с которым мы работали, насчитывается таких принципов десятка два — справедливость, свобода, защита прав человека, разумность, ответственность и т. д.

Именно эти категории были положены в основу типовых норм и, таким образом, принципы и типовые нормы в содержательной нагрузке пересеклись, хотя бы в силу выполнения одних и тех же функций — образца и идеи, которая может быть заложена в будущую правовую норму, непосредственно регулирующую правоотношения. По сути весь *DCFR* является результатом системной записи типовых кодифицированных правил.

Общее впечатление от документа является достаточно противоречивым, поскольку он не очень напоминает материал, изложенный в форме объединения единой идеи. Это скорее отражение совокупности (даже не системы) мыслей, о чем, кстати, свидетельствуют и особенности изложения нормативного материала, что, безусловно, затрудняет перевод.

Несмотря на то, что во всех отраслях права язык правовой практики опирается на единый язык закона [1, 54], в процессе перевода нам удалось опровергнуть этот тезис, доказав, что терминологически такой язык не всегда одинаков. В частности, определенные сложности при переводе были обусловлены тем, что документ разрабатывался по «смешанной системе норм», т. е. он инкорпировал нормы как романо-германской, так и англосаксонской систем права. Но наибольшую сложность вызвало то, что содержательное наполнение дефиниций частично «дистиллировано» с *acquis*. При переводе сказались также особенности стилистических конструкций документа, написанного в стиле *legalese*, который считается особенно формализованным и проявляется в длинных многосоставных конструкциях, громоздких оборотах и специфической терминологии.

Legalese — это особый юридический язык, манера построения фраз и предложений, которая для лиц, не знакомых с тонкостями английской юридической терминологии, часто кажется лишенной смысла и характеризуется сложными номинальными группами, пассивными и синтаксическими конструкциями и сложноподчиненными предложениями [4]. В документе термины, присущие *legalese*, употребляются выборочно, как заменители их эквивалентов в обычном языке, т. е. имеет место употребление обоих терминов в различных блоках текста. В частности, *legalese* в тексте *DCFR* можно проиллюстрировать следующими примерами: наряду с термином *many* употребляется более сложная конструкция — *a large number of*, термин *because of* иногда заменен на *as a consequence of*, а термин *stop* местами заменен на *cease*.

Отдельного внимания заслуживает вопрос подбора терминов и определения их дефиниций самими авторами, а также их место в системе документа. По замыслу разработчиков *DCFR*, документ завершается двумя базовыми блоками — определением терминов (дефиниций) и алфавитно-предметным указателем (индексом). В идеале дефиниции в этом документе призваны служить определенной отправной точкой для дальнейшего применения, а при необхо-

димости — и для выработки унифицированной общеевропейской правовой терминологии в сфере частного права. Они имеют сквозной характер и касаются всего документа, хотя разработчики сделали оговорку о возможности иного толкования терминов в случае, если этого требует контекст [5].

Размещение перечня дефиниций в конце документа обусловлено рядом факторов. Во-первых, практической целью — благодаря такой структуре ни одна из глав документа не перегружена лишними элементами, затрудняющими восприятие текста. Во-вторых, такой подход дал авторам возможность расширять или дополнять данный перечень без дополнительного внесения изменений в тело документа.

Один из важнейших блоков документа — алфавитно-предметный указатель, являющийся стержнем всей языковой конструкции *DCFR*. В этой конструкции термины представлены как отдельными словами, так и в виде терминосочетаний, при этом последние иногда приведены в пассивных конструкциях. Именно эта часть документа стала отправной точкой и самым сложным этапом нашей работы, поскольку в блоке представлен весь терминологический аппарат *DCFR* в его лексических и правовых взаимосвязях. С этой части мы и начали перевод, что позволило нам сформировать целостное представление о терминосистеме документа и выявить важнейшие терминологические и правовые проблемы работы.

Так, в указателе четко прослеживается сочетание подходов к терминологии (и, соответственно, к построению норм), присущих сразу нескольким правовым системам. Это усложнило применение одного из основных принципов перевода — унифицированности перевода одних и тех же терминов во всем документе, поскольку для юридического текста именно дословный и последовательно унифицированный перевод обеспечивает точность и терминологическое единство текста и позволяет сохранить специальные юридические понятийные взаимосвязи. В качестве примера можно привести термин *transferability*, который был нами переведен как «оборотоздатність», а *transferable* как «переказний» (подлежащий передаче), поскольку этого требовал контекст.

Более того, перевод любого термина обуславливает необходимость поиска всех словосочетаний с ним, а иногда даже однокоренных слов, поскольку не менее важным для перевода юридических текстов является соблюдение принципа «единообразности» при переводе однокоренных слов. Это можно проиллюстрировать такими «цепочками» однокоренных слов: *(in)effective* — (не) имеет силу, *(in)effectiveness* — (не)имеющий силу, *(un)fair* — (не)честный, *(un)fairness* — (не)честность. При этом параллельно возникала необходимость содержательного отделения таких синонимически близких к ним слов, как *(in)validity* — (не)действительность и *nullity* — ничтожность (в отношении первой однокоренной цепочки) и *careness* — добросовестность/тщательность и *good faith* — добросовестность (относительно второй).

Проблема унификации терминологии в рамках *DCFR* осложнялась и отсутствием общетерминологической унификации на уровне национальных законодательств европейских государств между собой. Внутренняя языковая согласованность дефиниций *DCFR* чрезвычайно важна еще и потому, что в будущем его модельные нормы могут стать базовыми составляющими элементами при

разработке других гражданско-правовых норм как общеевропейского, так и национального характера¹.

Несмотря на то, что в тексте прослеживается попытка присвоить каждому термину собственное «лексическое гнездо», авторам все же не удалось полностью избежать использования терминов в разных значениях, что обусловлено и языковыми особенностями (например, *effect of* в значениях «действие» и «последствия»). И наоборот, отдельные термины, имеющие различные соответствия в английском языке, были переведены одним украинским словом. Отдельным вызовом стал поиск синонимического ряда для определенной группы терминов, которые не всегда удалось разграничить: *fruits* — доходы, плоды; *income* — доход; *benefit* — прибыль; *profit* — прибыль. Два термина — *terms* и *conditions* — мы были вынуждены перевести как «условия».

Изучение лексического состава текста происходило параллельно с поисками терминологических эквивалентов соответствующих понятий. В частности, перед нами встала проблема отсутствия аналогов в украинском праве и даже языке. Порой, переводя, мы чувствовали, что «терминообразование» авторов документа заводило нас в тупик, поскольку проблема, с которой мы столкнулись — это лексическая безэквивалентность, т. е. наличие терминов, не имеющих в украинском языке полных соответствий в виде лексических единиц. Соответственно мы были вынуждены подчас прибегать к самостоятельному терминообразованию, пытаясь наделить новые термины функциями, аналогичными функциям конструкций языка оригинала и выстроить целостный словообразовательный ряд нового термина. Так, нашими терминологическими «изобретениями» стали термины «відступкоздатність» для обозначения английского *assignability* и «самоукладання договору» как украинский термин для обозначения английского *self-contracting*. Мы также отказались от поиска украинских эквивалентов для латинских выражений и устоявшихся французских терминосочетаний, являющихся базовыми и узнаваемыми для юристов в правовом тексте на любом языке.

Отдельно хотелось бы остановиться на переводческом инструментарии. Любой переводчик в своей работе имеет определенный набор средств и методов, что облегчает его переводческую работу. Такой инструментарий включает как технические, так и методические средства. Важнейшим техническим средством для нас стал онлайн-словарь «Мультитран», который одновременно является и словарем, и форумом профессиональных переводчиков, специализирующихся на конкретных сферах. В частности, благодаря форуму мы отыскали перевод терминосочетания *benevolent intervention*, русский эквивалент которого был предложен нашим российским коллегой на форуме как «благонамеренное вмешательство». Характерно, что этот термин предлагался именно в контексте *DCFR*, что свидетельствует о проведении параллельных поисков в этом направлении. На украинский язык этот термин был нами переведен как «доброзичливий намір», хотя мы вполне понимаем, что «доброзичливий» не совсем отражает категорию *benevolent* и «благонамеренное».

¹ Разработчики это вполне осознавали и поэтому разработали детальный комментарий документа, который занимает не много, не мало, а целых 4500 страниц. При желании с ним можно ознакомиться по адресу: http://ec.europa.eu/justice/contract/files/european-private-law_en.pdf

Методологическим подспорьем в работе стали два базовых документа в сфере частного европейского права — Принципы УНИДРУА, переведенные на русский язык коллективом авторов под редакцией профессора А. Комарова [2], а также русский текст Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Однако совершенно неожиданным «спасательным кругом» для нас стал аутентичный текст на русском языке Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. С сожалением хотелось бы отметить некачественный перевод Конвенции на украинский язык. Ведь таким переводом пользоваться стыдно и опасно, однако это — предмет совсем другой статьи, которую мы обязательно напишем.

Но и этого оказалось недостаточно, мы были вынуждены пользоваться не только русскими текстами документов, но и искать истину в их франкоязычных версиях. Следует отметить, что конечной целью такого подхода был не только поиск соответствий перевода терминов для *DCFR*, но и попытки согласовать его терминологию с устоявшимися юридическими терминами, поскольку еще одно правило перевода юридического текста — термин должен быть узнаваемым. Поэтому иногда нам приходилось «жертвовать» языковой «чистотой» в пользу юридической узнаваемости термина. Примером может служить заимствованный из русского, но устоявшийся в практике термин «уступка» для обозначения английского *assignment*. При этом в контексте конкретных статей и положений *DCFR*, к которым отсылает каждый из внесенных в указатель терминов, мы вынуждены были отступить от принципа использования однокоренных слов и перевести английский термин *assignee* как «цессионарий», а *assignor* — как «цедент».

Однако основным казусом перевода *DCFR* стало то, что лишь в завершение перевода всего указателя мы попытались перевести само название документа как «Проект общей системы подходов», однако мы до сих пор не уверены, что такой перевод является удачным. По нашему мнению, он отражает суть и основную идею документа. Что же касается английской аббревиатуры, то в случае окончательного оформления этот документ с *DCFR* превратится в *CFR*, что означает новые терминологические сложности, в частности совпадение аббревиатуры с аналогичным обозначением в ИНКОТЕРМС 2000 — *CFR (Cost and Freight/Стоимость и фрахт)*. Но это уже проблемы грядущие.

И последнее, что хотелось бы отметить. Во время работы над переводом проекта общей системы подходов нами в языковой юридический сленг был введен новый термин — «ДиСиФиАр», а в переводческий сленг — глагол «подисифиарить», что собственно и означает проводить кропотливую, изнурительную и не всегда благодарную и успешную работу над переводом. Сами дисифиарим и вас приглашаем!

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Гамзатов М. Г.* Техника и специфика юридического перевода : сб. статей. — СПб., 2004.
2. *Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2004* / пер. с англ. А. С. Комарова. — М., 2006. — 735 с.
3. *Стефанчук Р. О.* До питання про європейський вибір розвитку цивільного права в Україні // Теоретико-методологічні підходи до розуміння приватного права в умовах правової держави [Електронний ресурс]. — Режим доступа : nbuv.gov.ua/portal/sd_gum/prp/2012_11/Stefanchuk%20R.pdf.
4. *Стилистическая характеристика правовых документов* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://elger.ru/archives/149>

5. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law Draft Common Frame of Reference (DCFR)*. — Sellier. European Law Publishers, Outline Edition, 2009. — 644 p.
6. *Resolution of 26 May 1989 on action to bring into line the private law of the Member States // OJ*. — 1989.
7. *Resolution of 6 May 1994 Concerning the codification of private law and the Commission on european contract law // OJ*. — 1994.
8. *Study Group on a European Civil Code: Introduction* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sgecc.net/pages/en/introduction/index.introduction.htm>

Киевец Е. В., Ворошилова И. В., Мовчан Ю. В. DCFR: Lost in Translation, или Трудности перевода

Аннотация. В статье обозначены основные проблемы юридического перевода новоразработанного документа, призванного стать европейским гражданским кодексом, — Проекта общей системы подходов (DCFR). Приводится общая характеристика DCFR и исторический экскурс в процесс создания документа.

Ключевые слова: Проект общей системы подходов (DCFR), унификация частного права, терминология, юридический перевод.

Київець О. В., Ворошилова І. В., Мовчан Ю. В. DCFR: Lost in Translation, або Труднощі перекладу

Анотація. У статті окреслено основні проблеми юридичного перекладу новорозробленого документа, який покликаний стати європейським цивільним кодексом, — Проекту спільної системи підходів (DCFR). Наводиться загальна характеристика DCFR та історичний екскурс до процесу створення документа.

Ключові слова: Проект спільної системи підходів (DCFR), уніфікація приватного права, термінологія, юридичний переклад.

Kyivets O., Voroshylova I., Movchan Yu. DCFR: Lost in Translation

Annotation. Article outlines the key legal problems in translating newly developed instrument, which is pretended to become a European Civil Code — Draft Common Frame of Reference (DCFR). The authors give a general characteristic of the DCFR as well as historical overview to the process of its development.

Key words: Draft Common Frame of Reference (DCFR), private law unification, terminology, legal translation.